

Общество и реформы. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА СССР

Автор:

Как и другие общественно-научные дисциплины, экология сегодня не может развиваться исключительно в собственных рамках. Множество экономических, политических, социальных и иных факторов воздействуют на состояние природной среды. Не мог не сказаться на ней и такой социальный катаклизм, как распад Советского Союза. Его последствия обсудили за "круглым столом" журнала доктор географических наук **Борис Борисович РОДОМАН**, ведущий научный сотрудник Института национальной модели экономики **Владимир Леопольдович КАГАНСКИЙ**, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН **Николай Николаевич КЛЮЕВ**, доктор географических наук, директор по охране природы Всемирного фонда дикой природы в России **Евгений Аркадьевич ШВАРЦ**. Наиболее интересные моменты обсуждения обобщены заместителем главного редактора журнала "Общественные науки и современность" **Наталией Михайловной ПЛИСКЕВИЧ**.

В. Г. Каганский: Интерес к предложенной для обсуждения теме возник из двух простых соображений. Во-первых, процесс распада СССР - это именно *процесс*, а не некий мгновенный акт, связанный с известными событиями декабря 1991 г. Он начался несколько раньше, чем было объявлено о роспуске СССР, и отнюдь не завершился по сей день, если понимать под ним не только формирование 15 государств вместо одного, а трансформацию всей территориальной, социально-экономической и прочей структуры. Во-вторых, у меня сложилось мнение, что значительная часть современных экологических проблем, связанных с нашей территорией, является следствием этого сложного, комплексного, практически универсального и охватывающего все стороны нашей жизни распада огромной страны.

Мне бы хотелось предложить для обсуждения три группы вопросов. Первая - чем был СССР в экологическом смысле? Возможно ли дать некое экологическое прочтение конструкции СССР? На мой взгляд, это возможно, хотя, как мне кажется, среди нашей экологической общественности недостаточно осознан тот факт, что сама конструкция СССР обладала вполне определенными экологическими параметрами, которые можно оценивать по-разному. То есть СССР можно рассматривать как тип пространства с экологической точки зрения.

Кроме того, хотелось бы понять: то, что мы сейчас наблюдаем в экологической сфере, - лишь следствие "распаковки проблемного багажа" СССР, лишь какие-то идущие по инерции процессы фрагментации и распада союзной структуры или некие новые процессы, не связанные с распадом СССР и оказавшиеся в определенном смысле непредвиденными? Иными словами, чего сегодня в экологической сфере больше - старого или нового? И каков баланс старых и новых проблем? Это я обозначил бы как вторую группу вопросов.

Наконец, третья, на мой взгляд, более конструктивная группа вопросов связана с возможностями, которые для экологической сферы предоставляет современная ситуация глубокого социально-экономического кризиса, кризиса территориальной структуры, в целом - кризиса распада СССР. Обладает ли время трансформации советских структур какими-либо экологическими возможностями? Мои исследования дают основания утверждать, что сейчас наступило время новых экологических возможностей.

Б. Б. Родман: В экологическом смысле СССР был феноменом, угрожавшим стабильности и самому существованию биосферы вследствие своей сверхмилитаризации. Была отравлена значительная часть земли, природной среды, и если она будет демилитаризована хотя бы частично, то может превратиться в огромный резерв пространства, который пригодится для биосферы. И при крайне низкой плотности населения нашей страны (ведь в России населения чуть больше, чем в китайской провинции Сычуань) у нас открываются шансы, которыми надо воспользоваться. И не возрождать какие-то вредные в экономическом смысле виды производств, которые угасли в связи с частичной демилитаризацией.

Е. А. Шварц: В экологическом смысле СССР, как и современная Россия, был невыровненным пространством, где, с одной стороны, были центры высокой урбанизации и индустриализации, а с другой - огромные малонаселенные территории. Причем между этими частями не существовало четких границ. В результате было законсервировано то, что я называю *экстенсивной моделью развития экономики*: вся прибыль инвестировалась не в улучшение жизни, не в инфраструктуру староосвоенных регионов, а выплескивалась на новую, чистую территорию. Как следствие, у нас резкое отставание в общей инфраструктуре и уровне жизни староосвоенных регионов и крайне малоэффективное освоение нового пространства. И если в первой половине XX в. можно было еще говорить о некоем балансе положительных и отрицательных сторон этого процесса, то уже к началу 1950-х гг. стали проявляться отдельные отрицательные индикаторы, а затем речь пошла уже о крупных экологических и социальных потерях. Причем и в прошлом, и сейчас в каждой отрасли этот процесс шел независимо - отдельно в сельском хозяйстве, в лесной промышленности; сейчас - нечто подобное происходит в нефтяной и газовой промышленности. Яркий пример тому - лесная промышленность. Из-за того что десятилетиями не инвестировали в глубокую переработку древесины, варварски относились к ресурсам староосвоенных районов (скажем, от Псковской области до Башкирии), сейчас мы промышленно рубим лес там, откуда из-за огромных расстояний его вывоз, если не воровать и соблюдать технологию, уже не выгоден.

Н. М. Плискевич: Может быть, здесь уместно было бы вспомнить К. Маркса, который писал не только о природной ренте, о которой так модно стало говорить, но о ренте по местоположению. У нас же огромные расстояния и очень часто отсутствие нормальной транспортной инфраструктуры сводят на нет выгоды, даваемые природой.

Е. А. Шварц: Действительно, эти два вида ренты часто взаимоуничтожают друг друга. Но главное в том, что никто не просчитывал *социальных последствий такой политики*. В результате классические старорусские регионы с точки зрения экономической и социальной географии находятся в глубочайшем кризисе. Вся система лесного хозяйства была неверной и фальсифицированной, потому что реально ориентировалась не на экономическую эффективность и даже не на биологическую продуктивность, а на возможность непрерывно рубить в течение 25 - 30 лет существования леспромхоза. Сегодня на этих территориях все вырублено, и возникла огромная социальная проблема: что делать с целыми поселками этих несчастных голодных людей, которые умеют только рубить лес, а леса вокруг уже нет! И при этом в инфраструктуру староосвоенных регионов мы не инвестировали средств.

О проблемах депрессивных деревень много писали и в советское время, правда, в основном не ученые, а писатели-почвенники. Но мне думается, акцент здесь в другом: это объективная фаза урбанизации, когда государство не может инвестировать в равенство инфраструктуры и, соответственно, люди стягиваются туда, где инфраструктура лучше. И даже, как заметил А. Онегов (тоже писатель-почвенник), если бы не было тех негативных вещей, о которых писали, люди из этих мест все равно бы ушли и даже скорее, потому что по хорошей дороге легче уйти к хорошей жизни. В результате мы имеем сегодня огромные староосвоенные территории, где плотность сельского населения меньше 10 человек на 1 км². С точки зрения экономической географии это не может быть эффективно.

Многое, сделанное тогда, отзывается огромными экологическими и социальными проблемами, связанными в значительной мере с идеологией инвестирования не в уже освоенное, а в новые, нетронутые пространства. Вот яркий пример. Одним из направлений инвестирования нефтедолларов, появившихся у страны в 1970-е гг., стала программа мелиорации Нечерноземья. Огромные средства были потрачены на освоение верховых болот, земель, в принципе заведомо худших, чем те сельскохозяйственные земли, которые в то же время зарастали лесом. Потому что у колхозов и совхозов, где численность работников сокращалась, не было сил обрабатывать окраинные поля, но официально это не признавалось, ибо было делом, уголовно наказуемым. Вскрылось все через 20 лет, когда эти поля уже стали лесом. А о масштабах проблемы говорит тот факт, что с 1962 по 1982 г. площадь лесов в Европейской части России увеличилась на 20%. Повторю, это были освоенные сельскохозяйственные угодья, и никто ничего не делал для их поддержания, но одновременно вкладывались огромные средства в освоение заведомо худших земель.

В. Л. Каганский: Значит ли это, что в советское время вообще не было ничего экологически хорошего?

Е. А. Шварц: Конечно, нет. Нельзя также не отметить роль огромных площадей военных полигонов. По сути, это была консервация природы. К сожалению, не удалось довести до конца работу по передаче части из них в состав природоохранных территорий, а такое решение Правительства России уже было принято, но его не успел подписать до своей отставки Министр обороны И. Родионов.

Б. Б. Родман: "Военные земли" для нас последняя надежда на возможность создания Эконета, то есть сплошной сети охраняемых природных территорий, заповедников, национальных парков, а не разрозненных островков охраняемой природы. Скажем, в Московской области существует только один заповедник площадью 49,5 км², что чуть больше одной тысячной площади области. Под военные же нужды занято до 10% территории, и из них 90% - леса. В одной лишь Московской области это больше, чем герцогство Люксембург. Необходимо подвергнуть эти территории экологической конверсии, причем без изъятия их из военного ведомства. Потому что там их можно сохранить от того грабежа земель, который происходит, например, в Подмосковье. Страшно подумать, что может произойти, если эти земли приватизируют.

Е. А. Шварц: Всегда и во всем можно найти положительную и отрицательную сторону. Для определенного уровня развития общества тоталитаризм может оказаться лучше демократии. Потому что на высшем уровне могут приниматься какие-то полезные стратегические решения. Так, при царе засаживались лесом горы в Узбекистане, а в первые годы Советской власти создавались заповедники. Аналогичные процессы были и в Италии, и в Германии. Но затем, когда система себя изживает, решение экологических проблем оказывается возможным только "снизу". Здесь главная проблема того, что мы сейчас имеем. Дело не столько в тех, кто находится на федеральном уровне, "ни за что не отвечает", коррумпирован и т. п., а в основном в тех, кто реально пытается что-то сделать на местном уровне. Это местное самоуправление, власть районов, власть губернатора. Они на деле больше зависят от местного населения, чем от администрации президента. На мой взгляд, суть сегодняшней ситуации - *трудный переход от охраны природы "сверху" к охране "снизу"*.

В. Л. Каганский: По-моему, это новая формулировка особенности сложившейся ситуации.

Е. А. Шварц: Эта мысль впервые была изложена в книге "Охрана природы России: от Горбачева до Путина" (М., 2003). И после ее выхода мне не раз приходилось убеждаться в высокой степени ответственности представителей местного самоуправления за природу их территорий.

Н. М. Плискевич: А как совместить это с известными из прессы многочисленными фактами противоправных (и, очевидно, небескорыстных) действий местных властей, наносящих огромный вред природе?

Е. А. Шварц: Приведу один пример, поясняющий мою позицию. В любом деле есть свои "плюсы" и "минусы", и человек выбирает некий баланс между ними. Шведский полицейский получает совсем не такую большую зарплату, как мы привыкли думать. Но он не берет взятки, прежде всего потому, что для него гораздо страшнее, если его сыну в школе скажут, что его отец - "плохой коп", чем возможность, например, купить вторую машину для своей жены. У нас же, к сожалению, этот баланс на другом уровне. Весь ужас нашей ситуации в том, что люди, распоряжающиеся миллиардами, получают зарплату порядка 150 долл. И когда природоохранителю мы говорим: "Вам не кажется, что вас, как "зеленого", это должно волновать в последнюю очередь?", он может ответить: "Конечно, но, к сожалению, эта очередь уже наступила". Нельзя серьезно говорить о защите национальных, природоохранных, общественных интересов, когда те, кто призван их отстаивать, находятся на грани физического выживания. В результате за последние 12 лет в различных органах государственного управления прошел огромный отрицательный отбор. Многие из тех, кто представлял профессиональную ценность, ушли, а их место заняли или менее профессионально компетентные люди, или те, кто пришел за "административной рентой". Но при всем этом повторю, власти на местах очень зависят от местного населения, а потому в своих действиях более ограничены.

Н. Н. Клюев: Отмечая остроту отечественных экологических проблем, не забудем, что по широкому кругу параметров Россия относится к числу экологически благополучных стран планеты, является крупнейшей экологической державой. С конца 1980-х гг. у нас на смену социалистическому оптимизму пришел своеобразный экологический мазохизм, хотя, например, из карты "Проблемы природопользования Восточной и Центральной Европы" хорошо видно, насколько наши экологические проблемы менее остры, чем в центрально- и тем более западноевропейских странах. Российские показатели воздействий на среду, отнесенные к единице территории, несопоставимо малы по сравнению с другими странами.

И все же нельзя не видеть определенной двойственности ситуации. По масштабам производства, обилию технически сложных, экологически опасных производств СССР относился к развитым странам, а по уровню технологий, природоемкости и отходности хозяйства - к странам отсталым. Россия унаследовала экономику с перекошенной в сторону тяжелой индустрии структурой, определяющей высокий антропогенный пресс на природу. За годы реформ худшие черты экологического облика России лишь обострились.

Наша страна выделяется на мировом фоне наличием источников потенциального риска: ядерное и химическое оружие, предприятия ВПК, трубопроводы, газохранилища, атомные и гидроэлектростанции, химические производства, авиация и т. п. Так, в России, по оценкам, сосредоточено около половины накопленного в мире обогащенного урана и, соответственно, примерно половина отходов его обогащения. Россия несет ответственность за 50% антропогенного "космического мусора". В нашей стране находятся очень крупные - в мировом масштабе - зоны радиоактивного загрязнения. Но в целом вклад российского хозяйства в глобальную трансформацию природной среды не превышает долю страны в территориальных ресурсах Земли, в населении и в мировом хозяйстве.

Однако главная тенденция природопользования 1990-х гг. состоит в том, что темпы спада производства намного опережали темпы сокращения его "давления" на природную среду. То есть прогрессирует экологическая деградация хозяйственной структуры, растет удельная энерго-, материало- и природоемкость производства. Да и динамика внешнеэкономических связей носит явно антиэкологический характер, способствует "притягиванию" в Россию опасных производственных отходов из других стран. Думаю, основная опасность кроется в российской гибридной экономике, вобравшей в себя худшие черты как рыночного, так и планового хозяйства.

Б. Б. Родман: Я хотел бы вернуться к мысли, высказанной Евгением Аркадиевичем: о стремлении идти на новые территории в ущерб староосвоенным. Экстенсив-

ное развитие СССР, как известно, привело к относительному перенаселению районов Крайнего Севера и Сибири. В современных условиях многие здесь стали "экономически лишними". Эти люди сегодня предоставлены сами себе; многие уехали, оставшиеся нередко возвращаются к собирательству, к браконьерству (хотя в данном случае это трудно назвать браконьерством), то есть в значительной мере перенимают образ жизни коренных народов. И такого рода тенденции заслуживают изучения. Мне видятся два выхода из ситуации. Первый связан с организацией рабочих мест, существенным увеличением учитываемых статистикой доходов, с развитием местного хозяйства. Второй - с переселением тех, кто хочет уехать.

Я хотел бы также добавить, что одновременно с зарастанием полей лесами, о котором уже говорилось, идет процесс застройки хороших лесов. Происходит своеобразный "обмен". Сейчас самыми рентабельными для экономической разработки оказались леса (и вообще территория) Московской области. Ведь чем ближе к Москве, тем лучше леса: политика и царского, и советского правительства была таковой, что эти леса береглись для охоты, и вообще власти думали об экологических последствиях. Ближе 200 верст от Москвы до революции не было, например, никаких стекольных заводов, ведь для производства стекла нужно много дров. Сама фабрика пришла в город из деревни. В конце XIX в. даже шла дискуссия о том, можно ли пускать фабрику в город. В советское же время оборонная доктрина требовала густого лесного пояса на некотором расстоянии вокруг Москвы, что позволило сохранить наилучшие с промышленной точки зрения леса. Сейчас же Дума приняла закон, согласно которому можно рубить под дачи и коттеджи леса первой категории.

Н. М. Плискевич: Мне кажется очень важной высказанная мысль об идущем процессе перехода от охраны природы "сверху" к охране природы "снизу". Ведь тут речь не может не идти о глубоких социально-психологических процессах, переламинающих старые тенденции. Для советского общества были характерны не только патерналистские и псевдоколлективистские тенденции. Это общество воспитало у многих людей чувства агрессивного индивидуализма, в последнее десятилетие весьма ярко проявившегося, в частности, в деятельности тех людей, которых принято называть "новыми русскими". Но он проявлялся и в советские времена в таком, скажем, отношении к природе, когда для того, чтобы собрать кедровые шишки, бензопилой спиливали кедр. Причем не чужаки, а местные жители.

Е. А. Шварц: При очень тяжелых последствиях экономического кризиса 1990-х гг. люди начинают понимать, что рассчитывать на помощь "сверху" бессмысленно. И я вижу, как стало восстанавливаться чувство ответственности за свою, конкретную территорию. Люди думают: "А как будет завтра? Что мы детям оставим?".

Б. Б. Родман: Однако для каких конкретно уровней пространств характерна эта внушающая оптимизм картина? Где люди начинают брать на себя ответственность и задумываться над тем, что мы делаем с окружающей средой? Может быть, это этническое явление или определяемое низкой плотностью населения?

Е. А. Шварц: По-моему, это заметно и на уровне города. Например, Нижнего Новгорода.

В. Л. Каганский: Но не Москвы.

Е. А. Шварц: Москва - слишком большой "кусочек", здесь некая игра масштабов. Но в крупном городе, где существуют все основные производства и человек в своем трудоустройстве имеет выбор, люди начинают думать не только о "выживании", но и о здоровье и будущем своих детей. Я бы выделил *три уровня отношения к экологии*. Первый - поселение, где есть, допустим, одно умершее военное предприятие или завод с крайне вредным производством, но люди стоят в очереди, чтобы устроиться туда, потому что другой работы нет. Второй уровень - ситуация, при которой в городе есть два-три предприятия. Это уже дает возможность какого-то выбора. Потому что при всех экономических и иных соображениях (скажем, возможности раньше уйти на пенсию с вредного производства) человеку все-таки свойственно прежде всего желать

счастья и благополучия себе и своим детям. Наконец, третий уровень я связываю с ситуацией, когда появляется *стратегическая возможность осознанного выбора*. Для этого нужны не только возможности выбора места работы, но и некие образовательный и имущественный цензы. И здесь, думаю, нам уже надо ориентироваться не только на квазисредний класс советского периода, а в большей степени на постсоветский средний класс. Эти люди, достигшие определенного уровня материальной обеспеченности, на мой взгляд, уже способны быть *социально ответственными*, в том числе и за свое потребление, и за отношение к окружающей среде.

В. Л. Каганский: Я бы все же предложил вернуться с микро- на макроуровень. Почему я считаю важным интерпретировать СССР с экологической точки зрения? Прежде всего потому, что конструкция СССР универсальна, она ориентирована на распределение в пространстве практически всего, в том числе и дикой природы. Вряд ли где-либо в мире есть еще такое территориальное деление государства, в точном соответствии с которым размещены массивы дикой природы. Поэтому СССР и советскому пространству, по-моему, присуще не вполне оцененное экологами *экологическое прочтение*, и распад СССР - *одна из концептуальных рамок, способных прояснить экологическую событийность*.

Экологические последствия трансформации советской социальной структуры очевидны. Это сильнейшая децентрализация, существенная дерегламентация и огромная фрагментация пространства. С позиций этих трех параметров многое можно понять. Например, резко ускорился процесс забрасывания сельскохозяйственных земель (о чем уже говорилось), и не только из-за кризиса, но и потому, что резко сократилось насилие и некоторые территории, которые и раньше было невыгодно обрабатывать, сейчас освобождаются. По тем же причинам стали меньше вносить химических удобрений. Только эти два фактора привели к существенному самоочищению малых рек и, как следствие, в них появились раки, что является экологическим симптомом самоочищения.

Н. Н. Клюев: Действительно, на периферии регионов из оборота выводятся сельскохозяйственные площади, что сопровождается интенсификацией землепользования в городах, пригородах и селах, то есть как раз там, где нагрузки на природу ранее были превышены. Кроме того, уменьшение нагрузки на природу произошло и в связи с резким уменьшением поголовья сельскохозяйственных животных. Это особенно важно для подверженных опустыниванию регионов - Калмыкии, Астраханской и Ростовской областей, Дагестана, Алтайского края, Тывы. Нельзя не учитывать и то, что сельскохозяйственное производство из крупных предприятий частично переместилось на личные крестьянские подворья.

В. Л. Каганский: Сам факт дерегламентации и отсутствие поддержки у бессмысленных хозяйственных проектов, чем грешил СССР, приводят к образованию зон хозяйственного запустения по границам. Если бывшая граница СССР стала контактной, то новая граница Российской Федерации превратилась в барьерную границу, но при этом она приобрела мощные экологические функции.

Разумеется, процесс распада СССР имеет самые разные последствия. С одной стороны, уменьшение хозяйственного давления на среду - благо, но с другой - очень бурно и спонтанно формируется массовое потребительское общество. Это, в частности, приводит к тому, что антропогенная нагрузка, которая ранее была привязана к железным дорогам, становится дисперсной. В пригородах крупных городов мы наблюдаем бум автодорожного строительства. Я, например, знаю о наличии частных мостов, построенных в Подмосковье на свои средства дачниками. Для СССР это было бы невероятно. Такие процессы приводят к тому, что пригородные территории крупнейших городов начинают превращаться в какую-то мозаику, где уже невозможно, например, формирование крупных массивов для особо охраняемых животных. Мой вывод: все, что мы сейчас наблюдаем на постсоветском пространстве, - несомненное следствие распада СССР; и эти последствия совершенно неоднозначны.

Б. Б. Родман: В советское время сформировался так называемый тоталитарный ландшафт. Он был очень централизован, в нем "вертикальные" (радиальные) связи преобладали над очень слабыми "горизонтальными", то есть связями между соседними регионами. Это имело свои положительные стороны: формировались зоны запустения и потенциальные природные сети Эконета на границах административных областей, а также в виде зеленых клиньев в пространстве между железными дорогами, которые являлись основным видом транспорта. Ожидалось, что при переходе к рынку значение административного деления, в том числе экологическое, упадет. Однако этого не произошло, и в постсоветский период мы наблюдаем ту же картину: ситуация, вызванная границами административных образований, продолжает существовать. Опустошающее влияние административных границ продолжается.

В. Л. Каганский: Опустошающее, но экологически благотворное.

Б. Б. Родман: Но эта структура разрушается, потому что исчезают те зеленые клинья, о которых я говорил, и происходит нежелательное с экологической точки зрения "расплывание" городов. Следовательно, одна из черт, типичных для советского пространства, сохраняется, а другая, наоборот, угасает.

В. Л. Каганский: А могли бы вы сформулировать, каков экологический баланс? Стало лучше или хуже, либо для разных территорий ситуация складывается по-разному?

Б. Б. Родман: Конечно, по-разному. Может быть, даже усилились контрасты между территориями. Происходит обмен между положительными и отрицательными факторами. Где было плохо, стало лучше, и, наоборот, где было хорошо, ситуация ухудшилась. Точно измерить это нельзя, но можно описать качественно.

В. Л. Каганский: Я бы сформулировал так. Если не сводить экологическую ситуацию только к загрязнению, а считать существенной фрагментацию природного и даже природно-культурного ландшафта, то можно назвать один класс территорий, где стало *заметно хуже*. Это территории всех городских агломераций. В пригородных зонах автомобилизация и дачный бум привели к фрагментации природного ландшафта на участки, и его сохранение уже практически невозможно. За пределами пригородных зон экологическая ситуация *несколько улучшилась* за счет остановки части грязной промышленности. Кроме того, именно в этой зоне стала работать та самая экологическая ответственность местных сообществ, о которой говорил Евгений Аркадьевич и к чему я могу присоединиться, основываясь на собственных наблюдениях. Не будем обсуждать, хорошо или плохо то, что центр экологической ответственности переместился из Москвы в "глубинку", важно, что это действительно *факт жизни* местных сообществ данной зоны. Наконец, на периферии регионов, особенно в "медвежьих углах" на стыке трех-четырех регионов, *резко ухудшились условия жизни людей* (там существует фактически безденежная экономика выживания), *но зато возник огромный потенциал для самовосстановления природной среды*.

Е. А. Шварц: Нравится нам это или нет, но практически происходящее во многом представляет собой реализацию концепции поляризованного ландшафта Бориса Борисовича. Другое дело, что продолжается процесс урбанизации, имеющей, как известно, пять стадий. И рано или поздно поляризованный ландшафт, соответствующий третьей стадии урбанизации, может быть разрушен. Для меня сегодня важная проблема: как сделать так, чтобы, с одной стороны, дать максимальные возможности для развития человека и экономики, а с другой - сберечь при этом все то, что необходимо для сохранения природы. С этих позиций надо анализировать, чем можно пожертвовать, а чем - нет. И если мы считаем, что с точки зрения биоразнообразия приоритетом является крупный малотрансформированный природный массив, существующий сегодня, как правило, на стыках областей, то нужно, как бы это ни было сложно и каких бы затрат ни требовало, поддерживать такие массивы, более того, обеспечивать их связи друг с другом.

И даже при выхлестывании субурбанизации, которое мы часто наблюдаем сегодня, многое можно сделать, исходя из закономерностей поляризованного ландшафта. Ведь познав некую закономерность, мы тем самым меняем сам объект этой зако-

номерности. Здесь многое зависит от нас. Даже сейчас, когда с принятием нового законодательства об охране окружающей среды на три года зафиксировано status quo и не создано ни одного нового заповедника и национального парка, чего не было с середины 1950-х гг. Пока все же ничего не уничтожено, и борьба идет вокруг конкретных деталей законодательства. Что же касается достаточно неоднозначного вопроса о приватизации земель и лесов, то даже если мы проиграем, все равно на практике здесь многое будет связано с "плечом доступности". Понятно, что захватывать будут земли вокруг Москвы, других крупных городов (для этого-то и были пролоббированы поправки в Лесной кодекс), но наиболее ценное именно в природном отношении достаточно далеко от таких центров, и желающих его захватить пока не очень- то много. Особая опасность частичного размывания территорий между Москвой и Санкт-Петербургом, но и она сконцентрирована вокруг традиционных дорог. Если все же идет захват, то это, скорее, шведская система мелкоточечного расселения, где каждый стремится обустроиться на некотором расстоянии от другого.

Я бы также хотел обратить внимание на один момент. По-моему, в плане реализации возможностей по обустройству в пригородных зонах, по предоставлению землеотводов сейчас по сравнению с советским периодом мало что изменилось, если принять тезис о том, что любую политическую, государственную советскую должность можно перевести в твердую конвертируемую валюту. В 1978 - 1989 гг. в рамках работы Дружины охраны природы МГУ я участвовал в анализе землеотводов вокруг Москвы. Нам удалось проконтролировать более 70% всех отводов под дачи и садовые участки. И получилась интересная картина. Земли под садовые товарищества в поясе до 40 км от Москвы получали работники ЦК КПСС, КГБ, следующий пояс - Министерство иностранных дел, следующий - московские власти. Зона АН СССР начиналась за 80-м км. То есть выстраивалась абсолютно четкая иерархия. Теперь же земля в 40 км от Москвы стоит 1,5 - 4 тыс. долл. за сотку, и строится столь же четкая иерархия, но уже в денежном выражении. Особо наглядно это видно по смене владельцев участков, полученных в советское время. То есть принципиальной границей между тем, что было тогда и что происходит сейчас, нет. Просто сейчас все более прозрачно, а потому вызывает большую социальную аллергию, хотя с позиций морали то, что было тогда, наверное, еще хуже.

Еще одно замечание по поводу концепции поляризованного ландшафта и связи с ней административных границ. Интересно, что правительство Германии вышло с инициативой сохранения тех "зеленых стен", которые существовали на границе бывших ФРГ и ГДР. Здесь мы, грубо говоря, наблюдаем реализацию концепции сохранения барьерной роли бывших границ постсоветского блока как уникального инструмента создания Эконета для Центральной и Восточной Европы. Предложено защитить все леса, существующие вдоль бывшей внутригерманской границы, а также между Финляндией и Россией, между Польшей и Белоруссией, Польшей и Германией и т. д., для сохранения экологического каркаса региона. Это сейчас становится основным приоритетом Министерства по охране окружающей среды Германии.

Б. Б. Родман: Вместо "железного занавеса" создается "зеленый коридор".

В. Л. Каганский: Это тоже своеобразная экологическая конверсия.

Е. А. Шварц: Кроме того, так немцы подсказывают и своим "восточным братьям", что надо делать. Я согласен с Владимиром Леопольдовичем, что сегодня бывшие границы союзных республик стали барьерами, способствующими восстановлению природной среды. Мы знаем уникальные случаи восстановления исчезнувшей европейской степи. Именно с этим, кстати, частично связаны имевшие место в последние годы нашествия саранчи. То есть процесс имеет не только позитивные, но и негативные последствия, что очень хорошо улавливается отраслевой наукой.

В то же время автомобилизация и связанная с ней возможность для представителей нарождающегося среднего класса обустроиться в тех заброшенных деревнях, которые не входят в экономически недоступную для них пригородную зону, также имеет свои положительные стороны. Ведь группа знакомых, купившая дома в этих дерев-

нях, чтобы проводить там лето, начнет там обживаться, а значит, формировать то местное сообщество, которое станет положительно влиять и на местные нравы, например обучая детей в местной школе, и на улучшение всей местной инфраструктуры (как для себя, так и для всех коренных жителей тех мест), и на экологические аспекты жизни. Они же будут кровно заинтересованы в том, чтобы эта территория не деградировала.

Б. Б. Родман: Есть виды транспорта концентрирующие и рассеивающие. Для охраны природы хороши первые, к которым относятся железные дороги, порождающие гирлянду крупных ареалов, между которыми сохраняются объекты природы. Автомобильный же транспорт способствует более дисперсному расплыванию. Поэтому я с тревогой слежу за развитием автомобильного транспорта, которое у нас явно идет в ущерб железнодорожному. Это очень важная тема, так как транспорт - формообразующий фактор расселения и всего культурного ландшафта.

В. Л. Каганский: Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, действительно идет возрождение местной экологической инициативы, с другой - чтобы она появилась, необходима переориентация деятельности, ведущая к автомобильному буму, являющемуся экологически негативным. То есть одни и те же причины приводят как к положительным, так и к отрицательным последствиям. Думаю, автомобилизация России приобрела необратимый характер, и вопрос состоит в том, что с этим делать как с объективной реальностью?

Б. Б. Родман: С моей точки зрения, замену автомобилю может дать развитие скоростных железных дорог, причем не на пустом месте. Например, сделать на Октябрьской железной дороге четыре пути вместо двух, сделать эстакаду. Во всем мире идет развитие именно этого вида транспорта: в Европе, в Японии. Надо думать о переходе к новой фазе транспортного прогресса, которая опять даст импульс новому концентрирующему виду транспорта, облегчающему нам построение Эконета.

Е. А. Шварц: Тут, по-моему, нельзя забывать один момент, который не учитывается многими "зелеными". Если в обществе, по сути, нет мелкой частной собственности, то личный транспорт становится неким сублимированным идеологическим выражением личной свободы, становится сверхценностью. Наша проблема в том, что у нас оказываются идеологизированными не ценности, а инструменты, с помощью которых достигаются эти ценности. Скажем, автомобиль или кусок земли - инструменты, а ценность, которую они помогают обрести, - большая личная свобода. Думаю, в экологическом плане очень важно создание сообществ свободных людей, имеющих устойчивый доход, какую-то собственность, которые позволяют реально защищать реальные интересы.

Б. Б. Родман: Думаю, у нас дело не в идеологизации, а в удивительном образе жизни. У нас из 50 млн. домохозяйств 40 млн. имеют и городскую квартиру, и дачу, и гараж, и люди постоянно совершают маленькие миграции между ними. Это основа образа жизни, причем от рабочего до олигарха. Просто у бедного - маленькая квартирочка, "будка" за городом и старенькие "Жигули", а у олигарха особняк в Москве и вилла в Испании. Но наш капитализм связан с развитием этих интересов, с этими миграциями, становящимися своего рода самоцелью. Потому что настоящая свобода, настоящий комфорт связаны с тем, чего человек не замечает, просто потому, что занят чем-то другим. У нас же эта структура всегда обслуживалась несколькими поколениями каждой семьи. Кто-то делал все своими руками, а, скажем, на генеральской даче трудились солдаты под руководством генеральши.

Такой образ жизни имеет свои экологические последствия, ибо требует путей сообщения между его элементами. С экологической же точки зрения все должно быть компактнее. Тут мы, по-моему, имеем еще одну разновидность экстенсивного хозяйства или расточительства, ведущую, помимо прочего, к усилению нагрузки на природный ландшафт.

В. Л. Каганский: А в чем вы видите сегодня наиболее важную проблему?

Е. А. Шварц: Мне думается, в том, что наше *государство сегодня не способно выстраивать баланс между теми или иными социальными интересами и интересами бизнеса*. Не случайно, скажем, "зеленые" ныне все больше работают с крупным лесным бизнесом, чем с государством, в частности потому, что бизнес более вменяем. Например, "зеленые", пользуясь своим влиянием в Западной и Северной Европе, могут договориться с потребителями российского леса о бойкоте тех компаний, которые варварски вырубают леса. И в такой ситуации для бизнесмена мнение "зеленого" оказывается важнее мнения самого коррумпированного чиновника. Кстати, этим прекрасно пользуются конкуренты карельского коррумпированного бизнеса из Архангельской области, республики Коми.

Н. М. Плискевич: Это срабатывает в лесной отрасли, а как обстоит дело в нефтяной и газовой?

Е. А. Шварц: Здесь, конечно, потребители источников энергии гораздо менее экологически чувствительны. Однако это не значит, что на ситуацию нельзя воздействовать, просто она более сложная. Можно воздействовать, например, на инвестора, выставляя свои требования и добиваясь их исполнения, опираясь на межгосударственные структуры, помимо бизнеса отвечающие и перед своими правительствами, которые, в свою очередь, ответственны перед гражданами. Такие схемы работы, кстати, уже дают свои плоды во взаимодействии с ЮКОСом и ТНК, хотя тут мы делаем лишь первые шаги. К сожалению, пока ни в правительстве, ни в администрации президента, по сути, не занимаются стратегическим планированием. Еще два года назад там "планировали" на три месяца, сейчас уже говорят о планировании до конца путинского президентского срока. Но должно быть *стратегическое планирование*, и по сравнению с крупным бизнесом власть в этой сфере очень отстала.

Когда мы говорим о тех или иных негативных эффектах, например, автомобильного транспорта или о неверной транспортной политике, то это - не имманентная сущность того или иного вида транспорта. Речь должна идти о *слабости государства*, которое не способно проводить четкую политику. И когда мы говорим о 40-процентной рентабельности нефтяной отрасли при 9-процентной рентабельности всех остальных, -это тоже вопрос слабости государства, а отнюдь не социалистической идеологии.

Б. Б. Родман: Я не согласен в данном случае с термином "сильное государство". Разве мало у нас силовых структур, которые могли бы остановить творящиеся беззакония. Но коррупция сводит все на нет. Может быть, надо говорить не о слабом государстве, а о плохом.

В. Л. Каганский: Действительно, советское государство было государством сильным в том отношении, что оно ставило задачи и исполняло их. Вопрос: было ли сильно советское государство в экологическом плане?

Б. Б. Родман: Частично. Скажем, заповедники оно сделало.

Н. М. Плискевич: Но при этом создавало губительную для экологии промышленность, если было нужно, не считалось ни с какими экологическими ограничениями. Это было мобилизационное государство, нацеленное на решение достаточно узкого круга конкретных задач и при этом "не стоящее за ценой". Я бы также напомнила, что советская государственная конструкция пронизывала все общество, подменяла все иные присущие нормальному обществу типы связей, вплоть до вторжения в семейную жизнь. И если мы говорим сейчас о сложности охраны природы "снизу", то это - результат работы того же "сильного" государства, подавлявшего любую неподконтрольную инициативу.

В. Л. Каганский: Возникает вопрос, если сегодняшнее российское государство усилится, будет ли это экологическим благом или оно опять начнет осуществлять антиэкологические проекты? Мы говорим о слабости государства как о недостатке, но, может быть, это экологическое благо, а усиливающееся государство подавит самоорганизацию. Для меня, например, совершенно не очевидны экологические преимущества сильного государства.

Н. М. Плискевич: Думаю, и в экологии, и в других сферах мы должны стремиться к государству, четко выполняющему свои функции. Причем это государство должно быть окружено структурами гражданского общества, и контролирующего его, и взаимодействующего с ним. Сейчас же мы имеем *и слабое государство, и еще более слабое гражданское общество*. Примеры самоорганизации, о которых здесь шла речь, - ростки гражданского общества, но только ростки. Представляется, что в идеале процессы формирования этих двух составляющих - государства и гражданского общества, - а также размежевания сфер их компетенции должны идти параллельно. В противном случае возможны перекосы, скорее всего, в сторону подавления государством гражданского общества.

В. Л. Каганский: То есть должно быть сильное государство в сильном обществе. Сильное же государство при слабом обществе - ситуация во всех отношениях, в том числе экологическом, губительная.

Е. А. Шварц: Очевидно, я употребил неточное слово. Говоря о слабом государстве, я не имел в виду его способность всех задавить, тем более, что оно и не должно это делать (хотя при желании может и сейчас). Имелась в виду способность реализовывать ту функцию, для выполнения которой мы его нанимали, - выявлять баланс интересов и проводить его в жизнь по единым правилам, ограничивая рамками законов действия любых субъектов. Причем косвенным результатом этой неспособности является неспособность государства планировать свою деятельность на период, хотя бы сопоставимый с тем, на какой планирует сегодня свои перспективы крупный бизнес. Поэтому, как я уже говорил, "зеленые" сегодня предпочитают работать с бизнесом, а не с государством. Я согласен с Е. Ясиным, который говорит, что при всей нашей нелюбви к крупному бизнесу, в нынешних условиях, когда в стране практически нет гражданского общества, бороться с тоталитаризмом и государственной бюрократией может только он. Сегодня же нам - и обществу, и бизнесу - надо требовать от государства четкого выполнения своих функций, то есть стать *эффективным государством*. Это определение, наверное, более точное.

Б. Б. Родман: Со стороны государства нам угрожает и реформа административного деления. А это несет и экологическую угрозу, поскольку, как мы уже говорили, в экологическом плане огромное значение имеет ситуация на административных границах. Ведь всякая реформа административного деления - это перегруппировка готовых единиц, уже обретших определенную реальность. Конечно, сложившийся в стране культурный ландшафт окостенел под воздействием централизованной тоталитарной инфраструктуры. Такого не было в досоветские времена, но сегодня это стало тем консервативным фактором, который полезен в экологическом плане.

Е. А. Шварц: Происходящие сегодня *позитивные изменения* экологического плана связаны не с самим распадом СССР, а с породившими его причинами - *сжатием экономически используемого пространства*. Я согласен с Ю. Пивоваровым, что мы сегодня уходим оттуда, куда пришли из-за каких-то природных ресурсов, но где никто никогда всерьез не проживал. Это дает возможность инвестировать ограниченные ресурсы туда, где они дадут больший эффект. Причем если мы будем правильно инвестировать по этому критерию (безразлично, государством или частным бизнесом), диспропорции между регионами только усилятся. Инвестиции пойдут туда, где будут созданы прозрачные структуры. Это объективный процесс, благотворный для экологии, потому что мы прекращаем тратить деньги на уродование экологического пространства.

При этом надо понимать, что невозможно обойтись без трехзвенной структуры: бизнес - государство - гражданское общество. Без нее не будет необходимых инвестиций и не обойдется без социальных перекосов. Почему, например, сегодня многие, уезжающие с севера Дальнего Востока, переселяются в Краснодар или в Курск, но не во Владивосток, который и ближе, и климатически комфортен? Потому что в Приморском крае такая коррупция, такая криминогенная обстановка, что люди, ментально готовые переехать туда, увидев все это, предпочитают европейскую Россию.

Преимущество России с точки зрения экологии - *в возможности пространственной сепарации урбанизации и природы*. Это - ключевой тезис; таких условий нет ни у кого в Западной Европе. И если у нас хватит мудрости, мы должны превратить данное экологическое преимущество в экономическое, перейдя от экстенсивного захвата территорий к интенсивному использованию ограниченных средств. На этом пути возможно и сохранить огромное природное наследие, и поднять в разы уровень жизни населения.

В. Л. Каганский: Есть еще одно изменение экологической ситуации, которое мы затрагивали лишь косвенно. Мне кажется, что здесь с советских времен радикально изменилось *количество сторон взаимодействия, количество экологических субъектов*. В результате экологическая ситуация стала объективно сложнее, и эта сложность будет только увеличиваться по мере формирования среднего класса, продолжения приватизации, по мере того, как каждое домохозяйство можно будет рассматривать как экологический субъект, осуществляющий выбор стратегий поведения, имеющих экологические последствия. В этом, думаю, состоит радикальное различие с прошлой ситуацией. Дело не в том, что государство ушло с экологического поля, а в том, что оно перестало быть на нем единственным игроком (хотя, если быть точным, и советское государство таковым тоже не было).

Интересно и то, что, собравшись говорить об экологии, мы постоянно выходили за чисто экологические рамки. Причина, видимо, в том, что современная экологическая проблематика делает невозможным замыкание в узких дисциплинарных границах. Мы неизбежно касаемся таких вещей, как конструкция пространства, заимствование иностранных социальных и культурных технологий, как конструкция государства (отсюда - концепт сильного, справедливого и эффективного государства). Экологическая ситуация стала не только более субъектной, но и более открытой. Эти две вещи существенны, хотя классические экологи, охраняющие отдельные фрагменты живой природы, не всегда склонны отдавать себе в этом отчет. Но сегодня экология уже не может оставаться только экологией.

© Н. Плискевич, 2004